

О. ШЕЛЛИНА (SHELLINA)

IV ТУМ

ВЕЛИКОКНЯЖЕСКИЙ
ВОЯЖ

Литрес

О.Шеллина (shellina)

Великокняжеский вояж. Том IV

«Автор»

2024

О.Шеллина (shellina)

Великокняжеский вояж. Том IV / О.Шеллина (shellina) —
«Автор», 2024

Четвертая книга про будущего Петра III, который очень не хочет ошибиться в будущем. Поэтому решил, что нужно на некоторые проблемы взглянуть собственными глазами. И только потом попытаться что-то исправить, если это в данный промежуток времени нуждается в исправлении.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	24
Глава 5	30
Конец ознакомительного фрагмента.	34

О.Шеллина (shellina)

Великокняжеский вояж. Том IV

Глава 1

– Как вы смотрите на то, тетушка, чтобы я посетил заводы Демидова да вообще посмотрел, как на Урале дела ведутся? – ну вот, я справился, спросил и достаточно небрежно это сделал, можно гордиться собой.

Блямс! Вилка Елизаветы упала прямо на тарелку, причем бросили ее с такой силой, что хрупкий фарфор только чудом выдержал и не разлетелся на куски.

– Почему тебя так заинтересовали эти заводы, Петруша? Неужели ты сможешь понять, как там все устроено, лучше, чем это сделает доверенный человек? Я могу попросить Алексея Григорьевича все выяснить, да ты своего Гюнтера с ним можешь направить, – я поднял глаза и встретил пристальный взгляд тетки, которым она буквально прожигала меня насквозь, в то время, как ее голос звучал абсолютно спокойно. Молодец, наконец-то, научилась держать себя в руках и не выставлять на посмешище. Я покосился на вилку, лежащую на тарелке. Почти научилась. Но уже куда лучше, чем в первый год нашего знакомства, когда она совершенно не скрывала эмоций. Что только ее больничные дни стоили. Хотя, для меня было весьма странно наблюдать такую эмоциональность, учитывая, что Елизавета все-таки не малолетняя дурочка и всю жизнь провела в гадюшнике, под названием императорский двор, называя его своим домом.

– Потому что я хочу провести там определенные преобразования, но не смогу этого сделать правильно, если не буду видеть все воочию. И да, я вполне могу разобраться как работает там все, включая работу механизмов. Вы же сами признали, тетушка, что за свои художества Демидовы достойны любого наказания, а также заверили меня, что это наказание я определю сам. Демидовы же в свою очередь согласились с вашим решением, и обещали хорошо себя вести и не возражать. К тому же все преобразования будут проводиться за их счет. Казна от этого только выиграет.

– Я прекрасно помню, какое решение я приняла, и не собираюсь от него отказываться, потому что не считаю его неправильным, – Елизавета подняла злополучную вилку и принялась вертеть ее в руке. – Но я не понимаю, зачем тебе самому туда ехать, подвергая свою жизнь и здоровье совершенно ненужной опасности.

– То есть, вы хотите сказать, что, путешествуя по Российской империи я могу подвергаться опасности? – я прищурился, продолжая свою игру в гляделки с теткой. Сегодня мы ужинали наедине, потому что Разумовский куда-то уехал по делам, а какого-то нового фаворита у Елизаветы пока не наблюдалось.

– Разумеется, я не хочу этого сказать, – она тут же дала заднюю. – Хорошо, я подумаю над твоим предложением. В любом случае, эта поездка состоится не ранее, чем пройдет твое обручение, и при условии, что не случится каких-нибудь сдвигов в делах с этим выскочкой королем Фридрихом, – она поджала губы и, не глядя, протянула руку с бокалом назад. Подбежавший слуга тут же щедро плеснул в него вина, а подоспевший бледный юноша с возвышенным лицом поэта, припал к бокалу, делая из него крохотный глоток. Меня передернуло. Пусть уж лучше траванут, чем за спиной будет стоять вот такой вот анализатор ядов.

– Кстати, что там насчет Саксонии? Есть какие-то подвижки? – я вернулся к прерванному ужину, потому что действительно жрать хотел. Не так давно вернулся из Ораниенбаума, где все подготовительные работы, наконец-то, завершились и оставалось лишь провести непосред-

ственно ремонт, но с этим справится и бурчащий Растрелли, которого я за шкуру притащил на мою стройку и приказал что-нибудь с этим сделать, учитывая наличие множества разных новых элементов в виде труб разного диаметра, которыми дворец был буквально напичкан.

– Пока нет, – Елизавета отпила вина и слегка наклонилась, чтобы положить себе мяса с горошком. Когда мы ужинали наедине, она предпочитала ограничивать количество слуг. С одной стороны, это заставляло совершать некоторые самостоятельные действия, например, самой накладывать себе еду. С другой же... Я с трудом оторвал взгляд от груди, которая, казалось вывалится из декольте, когда императрица слегка наклонилась. Что ни говори, а формы у тетки охрентительные. Вот только зачем так демонстрировать их родному племяннику? Этот вопрос у меня, похоже, навсегда останется без ответа. – Фридрих успокоился, захватив Саксонию, и теперь они видите ли не знают, что делать, – она фыркнула, напомнив мне мою кошку. – Август, скотина, открестился от проблемы, отдав эту завоеванную область в качестве приданного Мари. Но, ваша свадьба еще не состоялась, так что считать Саксонию захваченной территорией Российской империи преждевременно. Но тогда вроде бы Австрия должна уже вмешаться. Но Мария-Терезия тянет, потому что свадьба все равно состоится, как только вам исполнится семнадцать и наши попы перестанут изображать из себя праведников и уже поженят вас, наконец, – Елизавета раздраженно скомкала салфетку, которую в этот момент подносила ко рту. Это было для нее больной темой, потому что Синод уперся и не в какую не желал ради нас с Марией пойти на исключение и сыграть свадьбу пораньше. – А в этом случае можно и в дипломатию поиграть.

– А разве Австрия не должна и нам всячески содействовать, согласно договоренностям? – я, подумав, тоже положил себе мяса.

– Австрия должна оказывать нам всяческое содействие в том случае, если на нас нападут! А Фридрих на нас не нападет. Он хоть авантюрист и выскочка, но не идиот, – и Елизавета швырнула салфетку на стол.

Вообще, похоже, что Фридрих сам офигел от такой подставы со стороны Августа, только этим можно объяснить тот факт, что, захватив Саксонию и оставив там армию, сам он свалил в Берлин и теперь не отсвечивал. Ситуация сложилась та еще: мы не могли наехать на Пруссию и потребовать отдать свое добро, потому что, чисто номинально это еще не наше добро. Австрия мяла титьки, пытаясь всеми силами избежать нового столкновения с Фридрихом, который уже оттяпал у Марии-Терезии часть территорий.

Император же Священной Римской империи смотрел на всех нас выпученными глазами и пытался понять, что вообще происходит. К тому же на него наседали один из Шумиловых, требуя немедленно подписать документы по Гольштинии.

В общем, весело было абсолютно всем. Всем, кроме меня, потому что меня это бесконечное ожидание задолбало до такой степени, что я однажды утром отбросил все свои попытки подстроиться под местных и полностью им соответствовать. Хватит. Баста. Хоть моему телу и немного лет, разуму-то уже тридцать семь стукнуло, если учитывать те годы, что я провел здесь.

Так что, после очередной тягомотной и напыщенной беседы с теткой, которая тоже титьки мяла и никак не могла решить, что делать с Демидовыми, потому что, вроде бы с ними нельзя ничего делать, ибо их заводы очень важны для России, я не сдержался, и у нас произошла впервые очень бурная дискуссия. Ох, и наговорили же мы друг другу гадостей в тот раз, мама дорогая.

Хорошо еще ума хватило выпереть всех слуг и орать друг на друга в ламповой интимной обстановке. А вообще тетушка у меня огонь! Она, кстати, после этого случая изменила свою манеру поведения окончательно, становясь реально довольно жесткой императрицей, на радость мне, честно говоря. Потому что жесткий правитель в это время – это хороший правитель, а я, как ни крути, на роль правителя пока вообще никак не тяну, ни в каком своём

состоянии, потому что все еще не разбираюсь в миллионе нюансов, вроде этой дикой ситуации с Саксонией.

Саксонцы, кстати, тоже немного охренели от подобных заскоков. Но у них проблема другого плана, они вообще не могут разобраться, кто у них главный, и кому они налоги должны платить.

– Скажите, тетушка, а девушки вообще домой собираются? Или их папаши уже смирились с мыслью, что императрицами им в итоге не стать, поэтому отдали приказ найти здесь у нас женихов породовитие? – после недолгого перерыва, во время которого мы доели мясо и теперь я накладывал себе картошки, которая в обязательном порядке стояла на столе.

– Это тебе лучше знать, – чопорно ответила Елизавета, поджимая губы. – Тайная канцелярия в твоём ведомстве.

– Да, надо бы Воронцова загрузить, а то похоже, все расслабились больно, пока я последние технические детали в Ораниенбауме доделывал, – Воронцов отвечал за внешнюю разведку. Я уже успел оценить его ум и амбициозность, также, как и то, что он ненавидел Бестужева, с которым у меня ну вообще не сложилось, от слова «совсем». Да и вообще, нужно было сделать первый срез в работе обновленной Тайной канцелярии, как раз первый квартал подходит к концу.

– Эти твои словечки, Петруша, часто ставят меня в тупик, – Елизавета дотронулась до моей руки и слегка наклонилась в мою сторону. А судя по непонятному выражению, застывшему в ее глазах, я бы сказал... черт, я бы сказал, что сейчас, когда я практически перестал фильтровать свою речь, и у меня часто вырывались вроде бы и знакомые, но не применяемые к тем или иным процессам и событиям слова... я протер внезапно вспотевший лоб. У меня сложилось стойкое ощущение, что ее это заводит. Стараясь не глазеть в декольте, глубже которого я еще не видел ни разу, и стараясь не вспоминать про Ваньку Шувалова, являющегося моим ровесником, который как раз в этот момент помогал Криббе свести дебет с кредитом по акциям, а также напомнив себе, что слово «инцест» звучит наиболее отвратительно, когда его начинаешь рассматривать применительно к себе, я, улыбнувшись, ответил.

– Вы просто начали забывать, тетушка, что я родился не в России. И хоть я полностью осознаю себя русским, и всем сердцем люблю эту необыкновенную страну, с языком у меня иногда возникают определенные проблемы, и я пытаюсь подобрать слова, наиболее подходящие, если какое-то выпало из моей памяти, – к счастью, эта отмазка всегда прокатывала. Особенно, учитывая тот факт, что мне, наконец-то, удалось практически полностью избавиться от немецкого акцента. Но мои новоделы все равно ее заводят, надо бы снова начать контролировать себя, от греха подальше.

– А скажи, Петрушенька, зачем тебе были такие сложности со всеми этими трубами в Ораниенбауме? – Елизавета выпрямилась и ужин продолжился. Я же сжал в руке вилку. Чисто рефлекторный жест, который у меня, похоже, никуда не денется пока мне будут напоминать эти проклятые трубы, которые были одной из первопричин моего «резкого взросления». Даже вспоминать не хочется, сколько нервов я убил, но, в результате мне удалось наладить в поместье неплохую систему канализации, с отстойником, заложенными рядышком селитрянницами и системой отопления.

– Я хочу, чтобы в моих комнатах если и был камин, то большой и для красоты, а не для тепла. Потому что мне до смерти надоело, когда ко мне могут и посреди ночи вломиться, чтобы поверить печь. А если я буду в этот момент с женой? Лично я не хочу, чтобы у меня пропал настрой, и Российская империя еще долго оставалась без наследника. – В ответ Елизавета только хмыкнула. – Так как, девушки еще долго будут гостить, вместе со своими не в меру резвыми родственниками?

– Ну, я же не могу их выгнать, – она улыбнулась. – Это будет конфуз и совсем не вежливо. Кстати, а Георг Гольштейн-Готторпский со своей очаровательной супругой еще долго будут в ссылке пребывать? – как бы невзначай добавила она.

– Пока Луиза-Ульрика не объявит, что они скоро стану счастливыми родителями. Хочу, чтобы между мною и Шведским тронном стояло как можно больше прелестных карапузов, ведь такая очаровательная дама, как Луиза-Ульрика не может произвести на свет не очаровательных карапузов, верно? – я старательно растянул губы в улыбке, хотя, если бы я точно знал, что мне ничего за это не будет, то предпочел бы придушить очаровательную Луизу, с которой, я просто чувствовал, мне еще предстоит хлебнуть геморроя. – Ничего не поменялось? Завтра мне вернут Марию? – я в упор посмотрел на Елизавету.

– А ты действительно заинтересован в этой девочке, – задумчиво проговорила тетка. – Хотя я бы предпочла видеть рядом с тобой кого-то более сильного, ту же Луизу-Ульрику.

– Мари гораздо сильнее, чем вы думаете, тетушка. Просто она прекрасно воспитана, чем... некоторые. И да, я в ней заинтересован. Кстати, прекратите интересоваться у слуг моими предполагаемыми любовницами.

– Откуда ты...

– Я фактически шеф Тайной канцелярии, – я вернул ей улыбку. – К тому же по состоянию моих простыней, вам любая прачка скажет, что я себе скоро обе руки сотру в кровь, но постараюсь сохранить верность, – последнюю фразу я пробурчал малоразборчиво, и очень тихо, чтобы тетка не смогла ее разобрать.

– Что ты сказал, Петруша? Я не расслышала, – Елизавета нахмурилась.

– Я говорю, – проглотив кусок, который в этот момент пережевывал, я начал говорить более внятно, – что Мари стоит того, чтобы не размениваться на кого-то другого.

– Я понимаю, и весьма хвалю. Вот только, Петр, а хватит ли тебе сил сдержаться и не соблазнить девочку до свадьбы? – она поджала губы. Охренительно доверительный между нами разговор. Я в шоке. По-моему, наши отношения вышли на новый уровень.

– Ну вот и увидим, – скомкав салфетку, я поднялся. – Прошу меня простить, тетушка, но меня ждут дела, которые я хотел бы доделать именно сегодня, чтобы завтра полностью посвятить себя своей невесте. – Она подала мне руку, которую я поцеловал, прикоснувшись губами к пальчикам. После этого поклонился и быстро вышел из малой столовой.

– Ваше высочество, – ко мне подошел Румянцев. – Криббе закончил. Хотел уже Шувалова послать, то я его предупредил, что Ваньку по вашему приказу к государыне без весомой причины не подпускать, и вызвался сам сбегать.

– Ну, на слишком спешащего ты вроде бы не похож, – я медленно оглядел его, стараясь немного успокоиться.

– Что, так плохо? – Петька, гад так сочувственно на меня посмотрел, что захотелось грязно выругаться.

– Когда Разумовский приедет? Без него эти ужины похожи на беготню по полю брани, когда по тебе пушки стреляют, – я вздохнул. – Когда-нибудь это не доведет до добра, вот, помяни мое слово.

– Ничего, завтра ее высочество приедет, и, скорее всего, ужинать вы станете втроем или вчетвером, – успокоил меня Румянцев. Я покосился на него, продолжая идти к своему крылу. – Ломоносов с Эйлером приходили, кучу чертежей притащили, просили посмотреть, проекты будущего университетского городка.

– Они учли наличие воинского подразделения? – помассировал висок. Все-таки ужины с Елизаветой меня напрягали. Она как энергетический вампир тянула из меня энергию. После них я часто сваливался с мигренью. А может быть дело в духоте, кондиционеров пока не придумали, а окна открывали для проветривания крайне редко.

– Говорят, учили, а планы я не смотрел, – Румянцев пожал плечами. – Вообще, по-моему, университеты в каждом крупном городе должны быть. А то, вон, даже в Киле есть, а у нас? И преподавать там должны на русском языке. – Я с удивлением посмотрел на Петьку, который не ждал ответа, просто высказывал свое мнение. Не ожидал от него, только не от него, которого выгнали из всех более-менее приличных заведений Европы, да и России тоже. – Ненавижу латынь. Почему я должен что-то учить на латыни?

– Полагаю, это был риторический вопрос, – пробормотал я, заходя в кабинет. Петька за мной не пошел, оставшись в небольшой комнатке перед кабинетом. Краем глаза я увидел, как он заваливается на диванчик и берет со столика нечто, напоминающее карту, которую, похоже, изучал, прежде чем «побежать» ко мне.

Криббе сидел за моим столом, но со стороны посетителей, а Шувалов мялся рядом. Олсуфьев в это время занимал кресло и просматривал какие-то бумаги. Идиллия просто.

– Ну, что получилось? – когда Криббе вернулся и рассказал про свои приключения, я запретил ему пока отлучаться от моей персоны, во избежание. Как оказалось, потерять Гюнтера я все еще пока был не готов. Сам Криббе принял мой приказ философски, просто пожал плечами.

– Получилось, что на сегодняшний день ваше высочество владеет двумя тысячами двадцатью семью акциями Голландской Ост-Индской компании, – отрапортовал Шувалов, с любопытством поглядывая на меня. Никто из присутствующих пока не мог точно сказать, что я собираюсь с ними делать, поэтому все трое изнывали от любопытства. – Оставшиеся сто акций принадлежат Гудсонам, а вы запретили что-то покупать и даже намекать на возможность подобной покупки, если она касается одного из владельцев.

– Отлично, – я потер руки. – Гюнтер, кто-нибудь может связать все эти акции с тобой или мной?

– Нет, – Криббе покачал головой. – Тем более, что я покупал не все, не сразу и не у всех. Я только предоставлял имена в посольство, как вы и просили, ваше высочество. Но многие владельцы кораблей, с которыми вы заключили договора на поставку пеньки и дегтя, знают, что у вас осело не слишком впечатляюще количество акций.

– Это нормально, – я кивнул. – Насчет той оставшейся сотни, забудьте. Даже, если они у Гудзонов, свою знаменитую сделку этот ушлый парень заключил явно от имени компании, а значит, Нью-Амстердам – это всего лишь торговая фактория, по крайней мере, пока, – я нахмурился, пытаясь вспомнить, когда этот остров захапуют англичане. Вспоминалось плохо, поэтому я махнул рукой. Ладно, если еще не захапали, пойдет как бонус. – Условия не изменились? Дивиденды с пришедших с грузом кораблей выплачивают исключительно деньгами? – Криббе кивнул.

– Да, но там условия имеются, что держатель акций должен еще как-то финансировать или каким-то другим способом помогать оснастить корабль, только в этом случае с данного корабля он получит дивиденды, – Криббе невольно нахмурился.

– А сама компания, как и Банк Амстердама выступают гарантом? – Криббе снова кивнул, я же потер руки. Интересно, а, если сработает, я смогу воспользоваться подобной схемой для чего-то еще? Вряд ли, такие штуки только раз прокатывают, но, ладно, в самом паршивом случае деньги вложенные отобью с процентами.

– Но как же озвученное мною условие, ваше высочество? – все нахмурившись, спросил Криббе.

– Гюнтер, если половина команды на пяти вышедших недавно из портов кораблей и направляющиеся к разным факториям это малый вклад, который я вложил в оснащение, то я даже не знаю, что можно назвать большим, – я развел руками и улыбнулся.

– О-о-о, – только и протянул Криббе, уставясь на своего молодого господина, которого все еще считал подопечным. До него начал доходить весь смысл этой... этого... Криббе даже

не мог слова подобрать, чтобы как-то обозначить всю суть того, что начало закручиваться на его глазах. Ван Вен чувствует, что что-то со сделкой между владельцами акций и русским Великим князем – не то. Очень сильно не то. Но, он не может понять, потому что не видит картины в целом. Ведь, если не брать в расчет две тысячи акций, моряков, смешные цены, выставленные Петром, это был один расклад, а вот если к этому присовокупить эти чертовы акции, то расклад очень сильно меняется, практически кардинально. Но, опять же не совсем понятно, откуда ждать следующего удара.

– А теперь начинается этап, который я ненавижу всеми фибрами души, – я скривился. – Сейчас мы будем ждать, когда корабли вернутся с товаром в Амстердам. Полагаю, что это произойдет не раньше, чем полтора-два года?

– Да, приблизительно так, – кивнул Криббе.

– Надеюсь, что к тому времени что-нибудь уже решат с Саксонией, – насколько я понял, основная проблема заключалась в том, что Август не просил нас как-то помочь с пока что его захваченным регионом, потому что мирный договор не был заключен и Саксония официально все еще принадлежала ему. А также он не позволял армии Российской империи пройти через Польшу и расположиться поближе к границе до того момента, как священник объявит Марию моей женой. Вот тогда опять чисто на бумаге Саксония уйдет в качестве приданного Российской империи, и мы сможем с чистой совестью атаковать. Вот только сдается мне почему-то, что именно проблема с переброской армии, вот что будет перед нами маячить на постоянной основе, неважно в каком статусе будет пребывать эта чертова Саксония Шредингера.

– Ваше высочество, – Олсуфьев поднялся из своего кресла, в которое он снова упал, после того, как приветствовал мое появление. – Вы будете просматривать планы, принесенные господами Ломоносовым и Эйлером?

– Конечно буду, – я расстегнул камзол, подумал и вовсе снял. Хотя с него уже срезали и убрали все лишние и он даже снабдился несколькими карманами, работать в нем все еще было сложно. Повесив камзол на спинку кресла, я сел за стол, приготовившись к кропотливой работе. Уж в чем-чем, а в чертежах, планах и разных схемах я разбирался, даже, если это были не планы прохождения труб. – Никто не знает, чем Петька Румянцев занимается, валяясь на диване, прямо перед этой дверью, – я кивнул на входную дверь.

– Он изучает карты Саксонии, ваше высочество, – быстро ответил Шувалов.

– Зачем? – я даже отложил в сторону первый план, удивленно посмотрев на Ваньку.

– Говорит, что просто так, на всякий случай, – развел руками Шувалов.

– Я с него дурею иногда, – махнув рукой, я схватил отложенный в сторонку план и приступил к его детальному изучению. Надо сегодня обязательно закончить текучку, чтобы завтрашний день действительно посвятить Марии. Прислушавшись к себе, я хмыкнул, никогда бы не подумал, что могу так сильно по ней соскучиться.

Глава 2

– Я так волнуюсь, – Мария откинулась на спинку сиденья кареты и посмотрела на сидящую напротив нее служанку, слабо улыбнувшись.

– А вам-то чего волноваться, ваше высочество, – Гертруда вздохнула. Пока они жили в монастыре, она приняла православие вслед за своей госпожой. Почему-то в тот момент это показалось ей правильным. – Пускай его высочество волнуется. Он вас уже несколько месяцев не видел, так что вот у кого руки должны дрожать.

– Не говори глупостей, я вообще не помню, чтобы у Петра дрожали руки когда-нибудь. Наоборот, когда он чем-то взволнован, то ведет себя скверно, очень зло и расчетливо одновременно, – Мария вздохнула и тут же поморщилась. В монастыре она привыкла носить менее вызывающие платья и сейчас вырез, который, к слову, при дворе посчитали бы вполне себе скромным, вызывал у нее легкое раздражение.

– Вы просто ослеплены, ваше высочество. Признайтесь, вам весьма симпатичен ваш жених, – Гертруда улынулась.

– Я этого никогда не скрывала, – Мария пожалала плечами, отчего грудь слегка приподнялась и декольте как будто углубилось. – Ну почему нельзя закрыть уже грудь? – раздраженно бросила она. На что получила странный взгляд от служанки и шелковый шарф, который она тут же набросила себе на плечи. – Я обязательно что-нибудь сделаю с платьями, обязательно.

– Хотите подражать жениху, который скоро последние серебряные нити с камзола велит спороть? – проворчала Гертруда, которая никак не могла понять, почему эти двое, еще даже не поженившись, почти спелись. Во всяком случае ни цесаревича, ни принцессу явно не устраивала теперешняя мода. Ну-ну, хотят составить конкуренцию французам, которые эту самую моду задавали? Посмотрим, что у голубков получится.

– А почему бы и нет? Терпеть не могу фижмы, ошущаю себя в них неуклюжей коровой. И не могу понять, зачем столько верст ткани на одно единственное платье тратить, которое, к тому же больше пяти раз все равно никогда не оденешь. Да и неудобные они.

– Вы еще скажите, что корсет хотите выкинуть, – хмыкнула Гертруда.

– Нет, не хочу, – после небольшой паузы сказала Мария. – Но я слышала, что мадам Помпадур придумала носить кальцоне Екатерины Медичи под юбкой, чтобы не оконфузиться. Она же очень подвижная, игривая, любит различные подвижные игры в саду. Я тут подумала...

– И даже не думайте на такую срамоту, – замахала руками Гертруда. – Она может их носить как угодно, но вот то, что переняла она такую моду у куртизанок, чтобы поддерживать похоть короля, это знают даже необразованные служанки, вроде меня. Порядочная женщина никогда подобную гадость не наденет, никогда.

– И все же, если все продумать, то таким образом вполне можно убрать нижние юбки и фижмы и... – Мария приложила к горящим щекам ладони. – Господи, о чем я думаю?

– О том, чтобы стать соблазнительной для собственного жениха, о чем же еще, – Гертруда внимательно посмотрела на свою юную госпожу. – Но, ваше высочество, я видела, как он на вас сморит. Вам не нужно беспокоиться об этом, уж поверьте. Пока, во всяком случае, – прошептала она последнюю фразу, повернувшись к окну кареты. Уж она-то знала, что сильные мира сего не ограничивают себя одними женами. Да и сами жены от них не отстают.

– Я все же обдумую этот вопрос, – закусив губу, тихо произнесла Мария. В голове промелькнула мысль, что, когда ее отношения с Петром станут максимально доверительные, можно попробовать поделиться с ним своими мыслями. Она тут же бросила быстрый взгляд на Гертруду, и закусила губу. Ни дай Бог доверенная служанка узнает, о чем она сейчас подумала, потому что она сама испугалась, что вообще рассматривает подобную идею.

Внезапно карету сильно тряхнуло. Мария вскрикнула, поняв, что начинает медленно заваливаться на бок, а Гертруда и вовсе завизжала. Снаружи послышался какой-то шум, а затем дверь кареты распахнулась, и принцесса увидела князя Лопухина, которого Петр отправил сопровождать свою невесту в Петербург.

– Ваше высочество, случилась дикая неприятность. Ось вашей кареты лопнула. Нужно будет остановиться. Я уже послал гонца, который предупредит его высочество, что вы, скорее всего сегодня не приедете. К счастью, здесь неподалеку Екатерининский дворец, в котором можно удобно расположиться на все время, пока чинят карету. Разрешите вам помочь выйти, – и Иван протянул ей руку, матеря про себя того криворукого болвана, который делал эту злополучную карету. Ему совершенно не хотелось оправдываться перед Петром Федоровичем, потому что тот так мог на него посмотреть, что самого Ваньку будет еще долго преследовать виденье, будто это он эту чертову ось сломал. Всю ночь пилил сидел не иначе.

– А мы не причиним неудобств хозяевам? – спросила Мария, опираясь на сильную руку князя, когда вылезала из завалившейся на один бок кареты. Сказала, и тут же прикусила язык. Какое ей должно быть дело до комфорта хозяев, если она в скором времени станет Великой княгиней, будущей императрицей? Они рады должны быть, что она решила у них погостить. Вот только привыкнуть к подобному положению дел было все же сложновато. Ее ведь не готовили быть императрицей, да даже королевой не готовили. Она всю жизнь знала, что когда-нибудь выйдет замуж за одного из герцогов или курфюрстов и это был максимум, выше которого ей никогда не подняться.

А потом она встретила Петра. Нет, Мария ни на что не рассчитывала, но он был забавен и умел рассмешить ее. А когда они встретились снова, уже немного повзрослевшие, то она с ужасом поняла, что он ей нравится именно как представитель противоположного пола. И, тем не менее, ехать в Петербург и рвать душу ей не хотелось, и она в тайне надеялась, что отец на даст разрешение и ответит на письмо Елизаветы вежливым отказом, тем более, что ей уже нашли жениха. Но отец не посмел возражать, и она поехала, опять же ни на что не надеясь.

Вначале казалось, что ее опасения оправдывались, а потом он ее поцеловал, и все встало с ног на голову, а в она позволила себе, наконец-то, на что-то надеяться. Правда, после помолвки сразу же сбежала, якобы для того, чтобы понять православие, нет, для этого тоже, но, самое главное, ей нужно было хорошо подумать в тишине выделенной ей кельи.

Подумала. И пришла к неутешительным выводам, что попала в тот малый процент женщин, которые зачем-то влюблены в собственных мужей. Ни к чему хорошему это обычно не приводило, Мария не в сказке жила, и прекрасно видела всю развращенность современных европейских дворов, но поделаться она с собой тоже ничего не могла. И сейчас она была даже рада, что эта проклятая карета сломалась, потому что она так чуть дольше его не увидит, и не наделает чуть больше глупостей, которые вполне может сотворить.

– Нет, ваше высочество, никто возражать не будет, – Лопухин ответил только после того, как подхватил тоненькую, как статуэтка, девушку и вытащил ее из кареты, поставив на землю. – Это императорская резиденция. Да, даже, если бы это было не так, кто посмел бы возражать? – добавил он немного удивленно. После этого Ванька повернулся и протянул руку Гертруде, помогая ей спуститься. Служанка посмотрела на него с удивлением, но ничего не сказала, принимая помощь. Лопухин же, отпустил руку, даже не глядя на женщину, словно помог ей автоматически, снова обратился к Марии. – Ваше высочество, нам следует поторопиться. Что-то мне погода не слишком нравится, как бы дождь не хлынул. Вы не будете возражать, если я вас к себе в седло возьму? Здесь недалеко, а нам надо поспешить. – Отчитываться еще и за то, что принцесса может промокнуть и простудиться, Лопухин точно не желал. Потому что в этом случае ему придется отчитываться не только перед Петром, но и перед государыней, для которой здоровье невесты племянника было самым важным на сегодняшний день. А в этом случае с него точно шкуру снимут, а он ею все-таки дорожил.

Мария закусил губу и напряженно кивнула, потому что с одной стороны ей совершенно не хотелось находиться так близко к другому мужчине, не к Петру, а с другой стороны, это была уникальная возможность провести своеобразный эксперимент. Ведь вполне может оказаться, что она придумала себе свою глупую влюбленность. Просто Петр был единственным мужчиной, который ее вообще обнимал и поцеловал, так может быть она поэтому столько себе навоображала?

Эксперимент оказался удачным, мрачно размышляла она, когда ее Лопухин осторожно вынимал из седла. У нее затекла шея, болела поясница, к тому же, как оказалось, соседство Лопухина только дико раздражало, а не вызывало непонятное томление, как было тогда в ледяной крепости. Так что эксперимент явно удался. Она поздравила себя с тем, что ей удалось правильно понять свое отношение к жениху, и, вскинув голову, пошла к входу в небольшой двухэтажный дом, который-то и дворцом можно было назвать с большим трудом. Когда она уже подходила к двери, та распахнулась, и Мария практически столкнулась нос к носу с Луизой-Ульрикой, герцогиней Гольштейн-Готторпской.

– Ваше высочество, – проворковала Луиза, когда они синхронно сделали весьма неглубокий реверанс и так же синхронно выпрямились. – Какая чудесная неожиданность. Пройдемте в дом, а то, что-то мне погода не нравится, вот-вот дождь начнется. А там и ваш жених составит вам компанию. Уж ему-то я буду так рада, что просто словами не передать, – и она так улыбнулась, что Мария невольно вздрогнула, посмотрев на сестру короля Фридриха, которая по праву считалась красивейшей женщиной Европы с удивлением. Не успели они войти в дом, как послышались первые раскаты грома, а Лопухин перевел дух. Ну, они хотя бы сейчас не промокнут. Развернувшись, Иван пошел отдавать приказы и обустривать своих людей, потому что, что-то ему подсказывало, что они здесь немного задержатся.

– Как это не приедут? – я оторвался от письма, которое составлял в Киль, требуя представить мне всесторонний отчет. Письмо адресовалось Наумову. Кроме него я никому не доверял полностью в том гадюшнике.

– У кареты лопнула ось, если я правильно понял, – невозмутимо ответил Олсуфьев. – Не известно, сколько будут делать карету, да и погода оставляет желать лучшего, поэтому Лопухин принял вполне разумное решение переждать в Екатерининском дворце.

Я посмотрел на него в упор и несколько раз моргнул.

– Что? Где они будут кузнеца ждать? – почему-то перед моими глазами как наяву встала Луиза, которая как в известном фильме пытается кузнеца, намекая ему, что карету лучше делать как можно дольше.

– В Екатерининском дворце, – недоуменно посмотрел на меня Олсуфьев. Ах, ну да, он не понимает, и дай Бог, никогда не поймет. О нашем небольшом междуособчике между мною и одной весьма горячей красоткой знаем только мы с ней. И я просто уверен, что она не сможет удержаться и не отыграется, выставив меня в не лучшем свете перед невинной девочкой. Нет, самой Марии она никакого вреда не причинит, я в этом могу поклясться, но вот накидать намеков, чтобы моя принцесса начала сомневаться, вот тут даже к бабке ходить не нужно будет. А, если учитывать то, что рассказать этой стерве есть что... Я даже зарычал, представив перспективу, чем заслужил еще один странный взгляд от Олсуфьева.

– Понятно, – я постарался успокоиться. Вдох-выдох, ты все равно ничего уже изменить не сможешь, так что лучше не позориться. – Прикажи заложить карету и отправь ее уж за моей невестой. Здесь не так уж далеко, чтобы прерывать путешествие из-за сломанной оси.

– Хорошо, ваше высочество, я все сделаю, – Олсуфьев поклонился и вышел из кабинета, чтобы отдать распоряжения. Я же схватил стоящий на столе бокал и швырнул его в стену, глядя, как он разлетается тысячами стеклянных брызг.

– Я надеюсь, что вам полегчало, – такой знакомый, но уже начинающийся забываться голос заставил меня резко развернуться. Я смотрел, как Турок входит в кабинет, и не мог не признать, что рад его видеть. – Так красивый бокал. Жаль его.

– Да, мне действительно полегчало, – я кивнул. – Что ты здесь делаешь, и кто тебя впустил?

– Надо сказать, что сейчас пройти к вам незамеченным гораздо сложнее, нежели раньше, все-таки Наумов сумел здесь все наладить. А впустил меня Криббе. А раз уж сам Криббе разрешил мне пройти, то никто из гвардейцев и не подумал возражать. Потому что даже я уверен в том, что, если Гюнтер Криббе вас предаст – то это будет ознаменовать начало Апокалипсиса, и нам всем уже будет на все плевать.

– Ты не ответил, что здесь делаешь, – я продолжал его разглядывать. Выглядел Турок хорошо. Он повзрослел что ли, превратился в статного красивого дворянина среднего достатка. Наверное, мы все повзрослели, да и в этом времени дети взрослеют гораздо быстрее, чем там, откуда я пришел.

– Вы не поверите, Петр Федорович, но я соскучился. Настолько, что однажды встал, посмотрел на книги, большинство из которых уже прочитал, и тут на меня такая тоска навалилась, что я бросился собираться в дорогу, – Турок себе не изменял. Он нагло улыбнулся и, протерев лицо руками, сел на диванчик. – Устал, как собака, практически не останавливаясь ехал. – Он оторвал руки от лица и ухмыльнулся. – И, нет, я ни от кого не убегаю, ни от кого не прячусь. Я никого не убил и не обесчестил, мне действительно до смерти надоел Киль.

– Я тебе верю, Андрей, – тихо ответил я, с чувством глубокого удовлетворения глядя, как Турок свалился с дивана, когда услышал, как я его по имени назвал. – Ну, и чего ты там разлегся? Вставай, и раз приехал без моего на то дозволения, рассказывай, что там в Гольштинии творится.

Как оказалось, рассказывать ему было особо нечего. Те реформы, что я велел произвести, постепенно осуществлялись, но тут все понятно, немцы – это особая нация, они сильно не возражают на нововведения, даже, если эти нововведения будут касаться их жизни. Дядюшка же правил весьма разумно и довольно осторожно, не лез на рожон, и, прежде чем принять какое-то важное решение долго обдумывал все возможные последствия. Но, тем не менее, дело сдвинулось с мертвой точки, во всяком случае, керамическое производство было вновь запущено, благо глины вокруг Киля было навалом.

Пока мы с Турком беседовали, к нам успели присоединиться Криббе и Румянцев, которых я позвал на эти посиделки. Черт возьми, я действительно рад видеть этого ворюгу, вот бы никогда не подумал. Прервал нас Олсуфьев, заглянувший в кабинет.

– Ее высочество Мария Алексеевна прибыла, – и тут же вышел. Я постарался взять себя в руки, уверяя, что ничего сильно катастрофического не произошло. Ну, подумаешь, на девчонку вывалили ведро помоев. Я все равно не ждал от этого брака ничего слишком романтического. Да кого я обманываю, может, я и не ждал романтики, это было бы для меня слишком, но на какие-то человеческие отношения все же рассчитывал. Чтобы не получить на выходе Орлова с шелковым шарфиком и табакеркой в сильной руке.

Когда я дошел до холла, чтобы встретить Марию, то почти успокоился.

– Ваше высочество, – она присела, в реверансе, а когда поднялась, то я подхватил тонкую холодную руку и поднес к губам, даже не целуя, а согревая дыханием ледяные пальцы. – Я не буду спрашивать, как вы доехали, потому что знаю, что приключения не обошли вас стороной. Вы решили взять имя Мария Алексеевна?

– Да, ваше высочество, Петр Федорович, это показалось мне уместным, – она уже очень хорошо говорила по-русски. Вообще, как ни странно, монастырь пошел ей на пользу. Она повзрослела и теперь была еще привлекательней.

– Я не хочу вмешиваться, ваше высочество, – я закрыл глаза, потом открыл и улыбнулся, поворачиваясь на печально знакомый женский голос, – но ее высочеству сейчас меньше всего хочется стоять здесь в этом холле. У нее позади довольно неприятная дорога, и она хочет немного отдохнуть и освежиться.

– Вы правы, Луиза, – я намеренно опустил ее титулярные обращения. Но Луиза даже бровью не повела. – Думаю, что пока ее высочество отдыхает, вы поведаете мне, как здесь оказались, в то время, как должны были все время находиться рядом с супругом.

– Не беспокойтесь, ваше высочество, уже завтра я паду в объятия своего Георга, а пока решила немного развеяться и проводить принцессу Марию к ее жениху. Вы не проводите меня в мою комнату, и по дороге я вам расскажу все, что вы хотите от меня услышать. – А вот Луиза даже не старалась выучить русский. Разговаривали мы с ней всегда исключительно на немецком языке, отчего казалось, что, даже когда мы говорили спокойно, то все равно ругаемся. К счастью Марии в холле уже не было, а рядом со мной стояли ухмыляющийся Турок и Криббе.

Я согнул локоть, на которые легли тонкие пальцы Луизы. Все-таки она очень красивая. Стерва.

– Я думала, вы примчитесь, особенно, когда услышите, что ваша невеста была вынуждена остановиться в моем временном доме, – наконец, она нарушила порядком затянувшееся молчание.

– Вы меня плохо знаете, Луиза, – ответил я, стараясь на нее не смотреть.

– Я могу сказать так про всех, никто не знает вас достаточно хорошо, чтобы попытаться спрогнозировать ваши действия. Мой брат уже ошибся однажды, приняв тоску сироты за восторг юноши. Все мы порой ошибаемся.

– Туше, – тихо произнес я.

– Вы не спросите, что я рассказала вашей милой невесте про вас? – я резко остановился и посмотрел на нее, чувствуя, как дернулись на лице желваки. – А ведь одна история с Мартой Олаф стоит написания трагедии. О, не сам факт того, что вы с ней спали, ну спали и спали, с кем не бывает, а в том, что вы ее убили.

– Это была самооборона, – процедил я.

– Да какая разница? – промурлыкала Луиза. – Никто не будет вдаваться в такие подробности. Никто. Для все будет существовать лишь несчастная женщина, которую вы использовали, а когда насытились, то казнили и ее мужа-рогоносца и ее саму.

– М-да, вот так и рождаются легенды о Синей бороде, – я возобновил движение. – И как, вы рассказали столь вопиющую историю Марии?

– Нет, – она передернула плечами. – Пускай это остается нашей маленькой тайной.

– О, дожился. Теперь у меня с вами есть маленькие грязные тайны.

– Почему вы не приехали? – теперь остановилась Луиза.

– Потому что вы ждали от меня именно этого, – спокойно ответил я.

– Я такая предсказуемая? – она немного наклонила голову, привлекая мой взгляд к изгибу шеи и ниже, ниже, туда, где в глубоком декольте вздымалась прекрасная грудь. Надо запретить эти декольте к чертовой матери, промелькнувшая мысль быстро ретировалась под насмешкой, мелькнувшей в глазах Луизы.

– Просто я вас лучше знаю, чем вы меня.

– И это пугает, если честно, – Луиза пошла по коридору, и я вынужден был двинуться следом. – Но ждала вас не для того, чтобы позлорадствовать, не только для этого, – тут же поправила она, заметив мою усмешку. – Я получила письмо от Софии Каролины Бранденбург-Кульмбахской. Мы давно знакомы, а Софии так одиноко... Я дала ей понять, что роль дружеского плеча мне вполне удастся, – если бы я сейчас что-то ел или пил, то точно бы подавился. Ну да ладно, если кто-то воспринимает ее за белую зайку, то это исключительно их

сексуальные трудности. – Она рассказывала про свою жизнь при датском дворе, где она гостит у своей сестры.

– Вы не удивитесь, если я скажу, что читал копию этого письма, – она улыбнулась на этот раз искренне.

– Я догадывалась, и, знаете, совершенно не разочарована. Но, вряд ли вы узнали из светских сплетен то, что сумела найти я, – я приподнял бровь в немом вопросе. – Казна Копенгагена пуста, как грудь старухи. Король Кристиан отчаянно нуждается в деньгах, но его супруга, которую он обожает, не слишком это понимает.

– И? Зачем мне знать о бедственном положении датского двора? – я недоуменно посмотрел на нее.

– Петр, я скоро стану королевой Швеции, и сильная Дании мне не нужна, – она остановилась и придвинулась ко мне просто неприлично близко. Криббе кашлянул и встал перед нами, приняв весьма вольную позу, скрыв от посторонних глаз, но я отметил это только как факт, потому что в этот момент был поглощен тем, что говорит эта белокурая бестия, которая похоже совершенно отбросила всякие церемонии. – Казна Дании настолько пуста, что отсюда можно услышать ее стоны. К тому же то, что позволено королеве, запрещено кронпринцу. А он такой горячий мальчик, ему так трудно с таким отцом, как Кристиан, который даже театр закрыл, как обитель всех пороков, – она провела ладонью по моей груди.

– Луиза, держи себя в руках, я понимаю, что неотразим, но оставь свой пыл для Георга, – перехватив тонкое запястье, я отвел ее руку от своей груди. – Зачем ты мне все это рассказываешь?

– А ты как думаешь? – она жестко усмехнулась. – Фредерик развратник и пьяница, Кристиан – ханжа, а София Магдалина просто дура. Я предлагаю тебе небольшой временный союз. Давай отбросим былые обиды, ты не меньше насолил мне, чем я тебе. Мы всего лишь наследники, но и у тебя, и у меня есть преданные нам люди. Сейчас идеальные условия, чтобы попытаться очень-очень сильно ослабить Данию, сделав это изнутри. А нам понадобится всего лишь еще больше вогнать в долги Кристиана, еще больше развратить Фредерика и подкинуть денег его мамаше на очередной дворец. Неужели ты не думал никогда о том, чтобы попытаться вернуть Шлезвиг? Это ведь можно делать и не объявляя войны.

– Ты страшная женщина, – совершенно искренне сказал я, снова начиная движение по коридору.

– Я знаю, – она казалась польщенной. Я же думал о том, что я действительно готов попробовать. Начать с разведки, а там... Я покосился на Луизу, слышала бы нас Елизавета, которая до сих пор думает, что Машка мне не походит, сейчас, мигом бы пересмотрела свои взгляды на мою женитьбу.

Глава 3

Ба-бах! За окном разорвалась петарда, и я подскочил на постели, суматошно размахивая руками. Когда сонная одурь немного сошла на нет, я посмотрел в окно, которое было открыто, пропуская в комнату легкий летний ветерок. А ведь я выдержал целую битву, отстаивая свое право на то, чтобы окно оставалось именно открытым, потому что закрыть его очень сильно хотели все, кому не лень, да и не просто закрыть, а еще и завесить плотной портьерой. Бах! За окном разлилась вспышка, озарив комнату. Дверь приоткрылась, и внутрь вбежал Румянцев без камзола, зато с пистолетом в руке.

– Петька, ты никак душегубство задумал? – я задумчиво смотрел на него, а он в это время суетливо убирал оружие.

– Да что вы такое говорите, Петр Федорович? Я же тут...

– Да, кстати, а что ты тут делаешь? – за окном послышался шум, и я вылез из постели, чтобы посмотреть, что же так все-таки произошло.

– Я всегда здесь, – пожал плечами Румянцев. Я же лишь внимательно посмотрел на него.

– А что твой отец говорит? – спросил я тихо, но в наступившей темноте мои слова прозвучали набатом. А еще я заметил, что Петька ненавязчиво оттесняет меня от открытого окна, не давая высунуться.

– А что он может сказать? Говорит, что рад видеть во мне, наконец-то, подобное рвение к службе, – он оттеснил меня еще немного, но тут я уже не выдержал.

– Петька! Пусты посмотреть! Ничего мне не грозит. Не в этот раз.

– Да и не думаю я, Петр Федорович, что кто-то лапу свою поднять на вас хочет, да вот только вы-то в исподнем одном, а там, – он махнул в сторону окна, – уже кого только не вынесло, разузнать, что происходит. И девицы почитай все, кто еще гостит у государыни. А вы в окне, как на ладони будете. Вот накиньте на себя что-нибудь, хоть вон халат, и тогда я сразу же уйду с дороги. Или же вы, Пётр Фёдорович, специально стать показать хотите, словно бы не зная, что при лунном свете шелк вашей сорочки как будто исчезнет, оставив вас... – он неопределенно поводит рукой со все еще зажатым в ней пистолетом в воздухе.

У меня хватило совести слегка покраснеть. Я совсем забыл, что настоящий китайский шелк, из которого была сшита эта сорочка, имел такие вот интересные особенности.

Схватив брошенный на кресло парчовый халат, я быстро его надел, и выразительно посмотрел на хмыкнувшего Петьку. Тот лишь широко улыбнулся и сделал шаг в сторону, пропуская меня к окну. А ведь он действительно за мою нравственность переживает больше, чем за жизнь.

Подойдя к окну, я начал всматриваться в темноту, в которой мелькали огни фонарей, освещавшие дорогу бегущим к месту происшествия людям. Закутавшись в халат, я задумчиво перевел взгляд на ноги и пошевелил голыми пальцами. Пушистый ковер, лежащий на полу, не позволял ногам замерзнуть, потому что тапки я так и не сшил. Не сам, конечно, но никого так и не заставил. То времени нет, то еще что-то мешает.

Я улыбнулся, как отстоял свое право спать в штанах, обычных пижамных штанах и сорочке, не длинной в пол, в которых спали и мужики, и женщины, а самой обычной, которую я под камзолом ношу. Единственное отличие состояло в том, что ночная сорочка в меня лишилась малейших шнурков, лент и бантов на горловине, не надо провоцировать судьбу, не стоит этого делать, а также вообще всех кружев. Мой французский портной чуть не зарезался своими ножницами, вопя что-то о том, что любой аскетизм хорош в меру, и что это рубище не наденет ни один уважающий себя крестьянин.

Я молча выслушал его истерику и пообещал спать голяком, если господин Фурье не заткнется и не начнет молча выполнять то, что от него требуется. Но, я никак не мог представить, что мою пижаму ввалившиеся вместе с Елизаветой господина, которая, как это бывало частенько до нашей эпичной ругани, частенько приходила вот так пожелать мне доброго утра, сочтут крайне непристойной.

Нет, в бабской хламиде до пят и с колпаком на башке спать – это нормально, а в пижаме – непристойно, видите ли. Я тогда в первый раз послал их всех в весьма экспрессивной форме, посоветовав не смотреть, если что-то не устраивает.

– Данилов, мать твою! Ты какого хера творишь, мать твою раз так! – зычный голос прозвучал совсем близко, и я вздрогнул, выныривая из своих мыслей. – А ну слазь оттуда, кому говорят!

– Я не могу, я высоты боюсь, – я поднял взгляд вверх и чуть не заржал, потому что напротив моего окна на раскидистой березе сидел молодой совсем фурьер, цепляясь за ствол руками и ногами.

– А как ты вообще туда залез-то? – я никак не мог распознать обладателя зычного голоса, он отводил от своего лица фонарь, чтобы тот не слепил его и не обжигал.

– Да не знаю я. Петарды устанавливал к завтрашнему торжеству, да фонарь уронил. Огонек сразу на шутихи накинудся. Я как мог убрал почти все, но с парочкой не успел. Одна как засвистела, да ка-а-а-к рванула, морду мне вон как обожгло. Ну я сам и не понял, как на дереве оказался. А теперь слезть боюсь, – трагичным голосом ответил Данилов.

– Тьфу, зараза, – стоящий под моим окном сплюнул на землю. – Или сам слезешь, или тебя оттуда сымут. И одно дело, плетей ты получишь, слышишь, Данилов? Ты же болван криворукий умудрился государыню разбудить, да и не только ее. Вон, гляди, что творится, – проворкотал он себе под нос.

И в самом деле, в этот участок парка постепенно начали стягиваться люди разной степени раздетости и недоуменности. Благо лето, хоть и только-только началось, и еще не вступило окончательно в свои права, было довольно теплым, чтобы позволить себе выскочить на улицу, кутаясь в халат, не, ну а вдруг пожар? Уж лучше пять минут позора, чем погибнуть далеко не самой простой смертью. Я отступил вглубь комнаты, встав так, чтобы меня не было видно с улицы. Зато сам я мог видеть собирающихся под злосчастной березой людей. Речь звучала иностранная, в основном немецкая, и меня это, если честно, покорило. Так ведь не должно быть. Это же резиденция Российских императоров, тогда почему я сейчас почти не слышу русских?

– Эй, как там тебя, Данилов, тебе помочь спуститься-то? – Румянцев был уже на улице, и не один, а с Турком и Криббе. – А то я слышал, как Панин послал уже за дровосеками, березу эту рубить.

– Да как вы мне поможете? – то ли всхлипнул, то ли выдохнул бедолага, который, похоже, уже не мог сидеть на дереве, потому что у него затекли руки-ноги, и он начал сползать вниз по стволу, это было уже заметно даже мне.

– Ну, можно попробовать сапогом сбить, – предложил Турок, которого тут же поддержал Петька. – Все лучше, чем то, что Панин предлагает сделать – березку-то жалко.

– Господи, что я доложу государыне? – к сидящему на березе Данилову бежал, заламывая руки давешний мой учитель танцев, которому было поручено в максимально сжатые сроки устроить праздник, посвященный моему обручению. – Что я ей скажу? Что на столь грандиозном празднике не будет ни петард, ни шутих?

– Да целое почти все, две всего взорвались, – огрызнулся Данилов. – Нашли за что переживать. Будут завтра и шутихи, и фейерверк такой, что все гости обзавидуются. Но только тогда все это будет, если вы меня с этой проклятушкой березы снимите, и не дадите сбить меня сапогом или срубить березу, чтобы я вместе с ней свалился.

– Ишь, как заговорил, – Румянцев всем своим видом изображал восхищение. – А когда фонари ронял, да рядом с порохом, наверное, так не верещал.

– Если по вашим словам судить, Петр Александрович, то мнение можно сложить, будто я нарочно это сделал.

– А я не знаю, – развел руками Румянцев. – Может и нарочно. Сюда как раз окна спальни его высочества выходят, так что, может, ты дурное какое дело задумал?

– Да окститесь, Петр Александрович, что вы вообще такое говорите? – похоже, что этот Данилов обиделся. – Как вы вообще даже подумать могли о таком?

– Господа, что здесь произошло? Я слышал выстрелы? – ненавидевший иностранные языки Петька только фыркнул, услышав французскую речь, и демонстративно отошел в сторону, предоставляя Гюнтеру вести переговоры к подходящему к их развеселой компании французу. Этот француз прибыл сегодня, практически сразу, за Марией и отвлек часть внимания двора на себя, что позволило мне, наконец-то, поговорить с невестой.

– Что это интересно за крендель? – тихо проговорил я, после того как меня притащили в тронный зал, даже не объяснив, что происходит, и вежливо попросили сильно не артачиться, а составить тетке компанию, развалившись на втором троне. Притащил меня Штелин, догнав по дороге к комнатам Марии, куда я шел, чтобы уже поговорить, потому что ее слегка пришибленный вид мне не слишком понравился.

Штелину позволялось куда больше, чем многим другим, поэтому я и не возражал слишком уж сильно. Одно меня удивляло, а не много ли чести какому-то посланнику?

– Месье Грибоваль является уполномоченным посланником ее величества Марии Терезии. – Шепотом объяснила мне Мария, которая обнаружилась здесь же в тронной зале, куда ее приволокли даже раньше меня. теперь она стояла строго за моим малым тронном, а ее невысокий рост позволял нам обмениваться ремарками, не привлекая особого внимания.

– Ну, и что? – я даже удивился. – И что, что он является чьим-то посланником? У нас таких посланников – дагестанскую свадьбу можно организовать, почему все так напряглись и засуетились?

– Я не знаю, ваше высочество, я недавно приехала, – в голосе Марии прозвучал еле сдерживаемый смех. Я покосился на нее и увидел, что хоть личико остается невозмутимым, в глазах то и дело проскальзывают искорки, делая их еще выразительнее. – Но, думаю, что дело все же серьезное, иначе мне позволили бы хотя бы переодеться. – Она действительно все еще была в своем дорожном платье, но, так как ей было положено прятаться за тронном жениха, это была не самая большая проблема.

А проблема действительно была серьезная – Саксония. Фридрих настаивал на переговорах, которые положили бы конец владениям Августа раз и навсегда, потому что в этом случае Саксония отошла бы Пруссии – как, собственно, и произошло в моей истории, правда, не таким способом. При этом Фридрих настаивал, угрожая всем и вся, а особенно он угрожал императору Священной Римской империи, примериваясь к Баварии.

Император пока пытался выкручиваться, мотивируя нежелание встречаться тем, что его девочки являются почти заложницами при Российском дворе, и что Фридрих должен понимать, что он не может рисковать своими чадами.

Фридрих понимал, но продолжал настаивать. Кстати, я прочитал письмо девчонкам, которое папаша бросился писать, как только прочел послание прусака. В этом письме он даже не намекал, он напрямую приказывал не высовываться и сидеть в Петербурге, пока не выгонят.

Поняв, что Карл Альбрехт будет юлить до последнего, Фридрих пошел другим путем, он предложил союз Марии Терезии, намекнув на Верхнюю Австрию, которую Карл умудрился оттяпать, и которую он Фридрих вполне может помочь вернуть под руку Австрийской короны с

помощью своих друзей с Туманного Альбиона в ответ на такую малость – полное открепление Саксонии от предателя Августа.

Мария Терезия душой никогда не была, и слегка растерялась, потому что предложение было заманчивое, но, с другой стороны, оно подразумевало разрыв с таким трудом заключенных договоренностей с Российской империей.

В общем, козел Август подложил всем такую свинью, что правители всех маломальских европейских государств за голову хватались, совершенно не представляя, что им делать. Самое простое решение из тех, что приходили на ум – разорвать мою помолвку с Машкой, но тут уж я закусил удила, вот уж хрен им всем.

А проблема тем не менее требовала какого-то решения, которое могло бы последовать, если бы упертые попы разрешили нас обвенчать, не дожидаясь семнадцатилетия, а они никак не хотели идти на уступки.

Все это, конечно, озвучено французу, присланному Марией Терезией для консультаций, естественно, озвучено не было, но буквально витало в воздухе.

Как я понял, всех нас вытащили в тронный зал для того, чтобы расставить все положенные точки в предстоящих долгих и нудных переговорах, сразу обозначив позицию Российской империи. Тем более, что ни от моего слова, ни от слова Марии ничего не зависело.

– А почему француз? Почему именно француз представляет Австрию? У ее величества внезапно умные подданные закончились? – шепотом задал я очередной риторический вопрос, на что Мария тут же ответила.

– Ее величество благоволит господину Грибовалю.

– И что же он сделал такого, что заслужил подобное доверие? – я слегка наклонил голову, чтобы видеть ее. – Великий дипломат?

– Насколько мне известно – великий артиллерист. Отец, еще до того момента, как я поехала сюда, очень хотел, чтобы господин Грибоваль приехал в Саксонию и помог настроить защиту с помощью артиллерии. Но господин Грибоваль в тот раз отказал ему, утверждая, что подучил гораздо более выгодное предложение.

– И что он действительно настолько хорош? – я задумчиво смотрел на довольно смазливую французику. – И почему его тогда послали сюда, а не берегли как зеницу ока?

– Я не знаю, – Мария опять с трудом сдержалась, на этот раз, чтобы не закатить глаза. – Меня по вполне понятным причинам не просвещали в том, кого именно хотят отправить для выяснения ситуации.

Больше я ничего не говорил, потому что на меня в этот момент весьма выразительно посмотрела Елизавета, которой, похоже, наша бубнежка мешала сосредоточиться.

Я не вникал в то, что говорит этот артиллерист, которого не понятно из-за чего подписали за дипломата, и что ему отвечала в этот момент тетка. Хотя она говорила мало, отвечали по очереди Румянцев – отец Петьки, Бестужев и Разумовский. По их ответам было заметно, что они их заранее не согласовали, и вообще, тоже не понимают, что делать. Так что я выключился из происходящего и обдумывал предстоящую поездку.

– Ваше высочество, Пётр Фёдорович, вы так и будете здесь сидеть? – я тряхнул головой и огляделся по сторонам: так и есть, первичная аудиенция закончилась и все начали расходиться по своим делам. По крайней мере ни Елизаветы, ни Разумовского уже в зале не было, как и Бестужева. Румянцев-старший что-то выговаривал Петьке, но они стояли слишком далеко, и я не мог расслышать, о чем идет речь. К господину артиллеристу подошел Панин и со всем почтением пригласил следовать за собой, комнату показывать, куда посла определили. Это, кстати, большая честь, обычно посланники не устаиваются даже конуры в парке, и селятся в консульствах, ежели таковые имеются, а то и вовсе жильё снимают поблизости от дворца. Обратилась же ко мне Мария, которая вышла из-за моей спины и теперь стояла лицом ко мне. Я поспешил подняться.

– Тебя никогда не задевало, что мужики, вроде меня, сидят, в то время как ты вынуждена стоять на всем протяжении приема? – он пару раз моргнула. Вопрос явно поставил ее в тупик.

– Но, это предписывает этикет, – она нахмурилась. – Я, кажется, догадываюсь, вы имеете в виду, не думаю ли я, что это положение вещей несправедливо? – я кивнул, нахмурившись. Мария упорно продолжала мне «выкать», а это существенно снижало мои оценки ее эмоционального состояния. – Нет, я не нахожу данное положение несправедливым, – она покачала головой. – К тому же, я привыкла. Я же с двенадцати лет стояла за тронем отца.

– Я скоро уезжаю, – поворот в разговоре на сто восемьдесят градусов снова заставил ее несколько опешить.

– Как уезжаете? Надолго? – она слегка прикусила нижнюю губу, а я слегка улыбнулся. Ей это известие явно не понравилось.

– На заводы Демидовых, что на Урале. А надолго ли? Я рассчитываю на годовую поездку. Но, это дорога, поэтому могу и задержаться.

– Год? Тебя не будет целый год? – на бледных скулах Марии появился легкий румянец. – Но что я буду делать здесь без тебя целый год? – я молчал, а она подхватила юбки и побежала к выходу из зала. Вот и поговорили, твою мать.

– Данилов, слезай оттуда, – попытался еще раз докричаться до все еще сидевшего на березе Румянцев.

– А это я голос месье Грибовалья слышал? – неожиданно ответил Данилов.

– И что это известие как-то тебе поможет спуститься?

– Вряд ли, просто я бы хотел ему сказать, – Данилов перешел на французский язык, которым, оказывается, владел вполне сносно, – что ему надо попробовать форму каморы на пушках изменить, тогда баллистика точно улучшится. Я ведь читал и труды Робинса, да и труды месье Грибовалья, знаю, о чем говорю.

– Что? Что говорит этот молодой человек? – на дороге у Грибовалья встал Гюнтер и принял его теснить от несчастной березы.

– Ничего, он просто напуган и несет чушь. Вам послышалось, что Данилов сказал что-то действительно познавательное. Возвращайтесь в свои покои, месье Грибоваль, мы здесь и без вашей помощи сумеем управиться, – Гюнтер мягко, но настойчиво схватил посланника за локоть и поволок прочь. А Румянцев тем временем практически зарычал.

– Если ты, Данилов, еще раз пасть разинешь, чтобы что-то рассказать ему про пушки, то можешь лучше на этой березе сдохнуть. А теперь слезай немедленно, пойдём в мою комнату и там ты очень подробно расскажешь о том, что пытался сейчас донести до французика. А если не слезешь, то я не сапогом тебя сброшу, а пулей! – И Петька очень демонстративно вытащил пистолет из-за пояса и направил его на Данилова.

Не став дожидаться, чем закончится снятие этого неудачника, который, похоже, когда что-то ляпнул про пушки очень интересное, раз это что-то заставило самых ближайших моих людей засуетиться, чтобы уволочь его из сада и не дать встретиться в Грибовалем.

– Я должен нормально поговорить с Марией. Мы должны объясниться, и решить, что же действительно с моей поездкой делать, – пробормотал я, оправдывая своим жалким бормотанием то, что собирался сейчас сделать.

А собирался я вот прямо сейчас пойти к ней в комнату. Вот и проверили предел моей выдержки, и ведь Елизавета меня предупреждала. Отмахнувшись от посторонних мыслей, я поплотнее запахнул халат и направился к невесте, напрочь игнорируя тот факт, что вообще-то ночь на дворе, она девица, и мы еще не женаты.

По дороге мне никто не встретился. Ах, да, все, кто не спал сейчас в саду пытаются выяснить, что же их разбудило. Даже гвардеец, который должен был охранять вход в крыло, отдан-

ное Машке, пытался у окна рассмотреть хоть что-нибудь, и не заметил, как я проскользнул в дверь, оставленного им поста.

Я не стал его тревожить, пускай еще посмотрит, но сделал себе зарубку в памяти, наступать на охранничка его непосредственному командиру, а то как-то нехорошо получается. Его поставили охранять фактически самое ценное, а он ворон считает.

Мария не спала. Она сидела возле зеркала и расчесывала белокурые волосы. длинная белая сорочка, весьма целомудренная в свете горящей свечи становилась полупрозрачной. Я навалился спиной на дверь и сглотнул. Отложив щетку, она смотрела на меня в зеркале, а по шальному взгляду и легкому румянцу, который заливал личико, было видно, что она знает, зачем я к ней пришел. Вот только парадокс заключался в том, что, она-то знает, а я, похоже, нет.

«Выгони меня, пожалуйста, – обратился я к ней мысленно. – Швырни в меня щеткой, залепи пощечину, сделай хоть что-то, мать твою! Потому что я был уже почти сорокалетним мужиком, настолько закоренелым холостяком, что даже не мог себе представить, что это значит постоянно засыпать с одной и той же женщиной. Просыпаться с ней, и знать, что и завтра это будет она же. И мне страшно. Гораздо страшнее, чем тебе. Мне страшно так, что я даже не понимаю, зачем сюда приперся».

Но она не услышала мой молчаливый призыв. Она просто продолжала смотреть на меня в зеркале и молчала. Когда наше молчание стало уже совершенно неприличным, я протянул руку к двери, чтобы открыть ее и уйти, но тут Мария встала и повернулась ко мне лицом.

– У меня никого никогда не было, – медленно проговорила она. – Я даже узнала, что такое поцелуй только тогда в ледяной крепости. Ты же меня научишь? – я кивнул, плохо понимая, о чем она вообще говорит. Чему я должен ее научить?

Сам не понял, как мы оказались в постели. Я постоянно пытался понять, чему я должен ее научить, но вскоре бросил эти попытки разобраться. Единственное, что меня беспокоило, я никак не мог определить, какого цвета у нее глаза. Каждый раз, когда я ловил их затуманенный взгляд, то видел в них только свое отражения, а вот цвет не мог разобрать. Лишь позже, уже лежа рядом с ней, подперев голову рукой и разглядывая юное тело, я с некоторой досадой понял, что первый раз у нее получился не так чтобы очень. Все произошло торопливо, хотя я должен был, помня, что Маша девственница, подготовить ее, шептать на ушко милые глупости, долго подводить к самому главному... Я же про все забыл, даже про то, какого цвета у нее глаза. Идиот.

– Я не сделал тебе больно? – спросил я это довольно равнодушно.

– Нет, то есть, немного, но потом все быстро прошло. А вообще, это было не так. Совсем не так, как я себе представляла, – она задумчиво разглядывала меня. – А что это такое взрывалось на улице?

– Надо же, а я-то уже подумал, что тебе не интересно, раз ты осталась в своей комнате, а не выскочила вслед за всеми в парк, – я улыбнулся, почувствовав, что страх, который почти парализовал меня в тот момент, когда я вошел в эту комнату, начал отступать. А еще я почувствовал, что вполне могу привыкнуть к тому, что всегда будет одна единственная женщина, вот эта, которая сейчас, лежа рядом совершенно обнаженная, спокойно говорит на обычные не постельные темы.

– Раз ко мне никто не ворвался, не схватил за руку и не потащил из дворца, значит, ничего страшного там не происходит, – она лукаво улыбнулась. – Но мне все равно интересно, что же на самом деле произошло.

– Петарда взорвалась, – просто ответил я, обхватил ее за талию и перевернулся так, что она оказалась на мне сверху.

– Что ты делаешь? – она смотрела немного удивленно, но протеста в глазах я не увидел, хотя опять не понял какого они цвета.

– Хочу показать, что то, чем мы занимались все-таки не «не так», но и местами даже довольно хорошо, к тому же... Ты сама просила меня всему научить, – повернув голову я задул наконец-то мешающую мне свечу, и только когда комната погрузилась в темноту втянул свою невесту в эту древнюю как мир игру, наконец-то поняв, чему она просила ее научить.

Глава 4

– Как ты смотришь на то, чтобы вместо обручения прошло полноценное венчание? – я поднял взгляд на Елизавету, которая вошла в кабинет, где я пытался упорядочить структуру будущего городка, опираясь на планы, переданные мне Ломоносовым, который, похоже, помог Эйлеру их составлять. – Я подала очередное прошение в Синод, и они на этот раз ответили согласием.

– Правда? С чего такая милость? – положив перо на стол, я встал, потому что тетка, похоже, садиться не собиралась.

– Полагаю, что виной тому послужили сведения, полученные одним из членов Священного Синода при исповеди одной из доверенных служанок Марии, – уклончиво ответила Елизавета и, прищурившись, посмотрела на меня.

Я сжал зубы и скрестил руки на груди. Никаких последствий наших с Машкой игрниц быть не должно было, вот об этом я позаботился, несмотря на весь тот сумбур, что творился тогда в моей голове. Но вот простыни я никак не мог быстренько утащить, постирать и снова застелить постель. Собственно, про то, что кто-то из слуг все узнает, я догадывался, но вот это...

– А как же тайна исповеди? – я наклонил голову набок, проклиная этот доставшийся мне от бывшего владельца тела жест.

– А что тайна исповеди? Она не была нарушена, всего лишь полунамек, что это могло повлиять на окончательное решение, – Елизавета насмешливо посмотрела на меня, намекая на наш разговор про то, что я сам не смогу утерпеть. – Все уже готово, и свадьба лишь ненамного уступает в пышности тем торжествам, что предусмотрены на ваше обручения.

– Это завтра, – напомнил я тетке, но та только кивнула. – Я лично не против. Но в таком случае вам придется что-то решать с Саксонией.

– Не напоминай мне про Саксонию, – поморщилась Елизавета. – Я, когда о ней думаю, у меня голова начинает болеть. Все равно переговоры сейчас затянутся. Полагаю, что год. Год нам понадобится, чтобы все со всеми определить. С другой стороны, это просто прекрасная проверка прежних связей и, возможно, налаживание новых. Так что Саксония – это прекрасная встряска для всех нас. Но я не исключаю вариант, что нам придется начинать войну с Фридрихом, – и она прямо посмотрела на меня. Думает, что я все еще от него фанатею? Сомневается, что я смогу оставаться объективным в предстоящей войне?

– Что поделаться, в такие времена мы живем, – я пожал плечами. – Если это будет необходимо, я сам приму участие в этой кампании.

– Не раньше, чем твоя жена родит мальчика, – перебила меня Елизавета. – Думаю, что с этим у вас проблем не должно возникнуть.

– Ну, как сказать, – прошептал я, стараясь, чтобы она меня не расслышала. Я буду делать все от меня зависящее, чтобы беременность произошла не раньше, чем Машке хотя бы те же семнадцать исполнится. Не собираюсь рисковать ни ей, ни будущим ребенком. – Если мы все же женимся, то Мария едет на Урал со мной.

– Что?! – я думал, что ее удар хватит, так сильно она покраснела. – Ты с ума сошел!

– Ну что вы, тетушка, – я примирительно улыбнулся. – Я знаю, вы замужем не были, но, думаю, даже вам известно, что для рождения ребенка необходимо применять определенные усилия. А это очень сложно будет сделать, если я буду находиться на Урале, а Мария здесь.

– Значит, ты не оставил свою идею путешествия? – Елизавета стиснула в руке веер так, что тот хрустнул.

– Нет, – я покачал головой. – Вот что, тетушка, давайте прямо сейчас раз и навсегда определимся, что вам хочется более всего. Или вы хотите получить послушную собачку в моем лице, которая будет выполнять все ваши команды, а в остальное время сидеть в своей будке и не высовываться. Или же вы хотите в будущем видеть Российскую империю в надежных руках того, кто сможет с нею справиться, а также преумножить ее богатства и сделать так, чтобы с нами считались. Такого правителя, кто преумножит то, что начал отец ваш Пётр Великий? Если вам по душе больше первый вариант, то вопросов больше нет. Ораниенбаум скоро будет приведен в нормальное состояние, мы с молодой женой туда съедем и будем проживать там безмятежную жизнь рантье, предаваясь излишествам и различным празднованиям. Если же вы хотите, чтобы дело Петра Великого жило, а не подохло в муках в ближайшем овраге, то вы сделаете все, чтобы помочь мне в моих начинаниях, которые пока сводятся к оценке обстановки. Я должен сам увидеть, что творится в Российской империи, сам, понимаете? Только в этом случае я смогу не наворотить дел и не совершить множества фатальных ошибок. Так что вы хотите от меня, тетушка?

– Петруша, я не понимаю, что тебя заставило вообще так ставить вопросы? – Елизавета внезапно поднесла руку к голове. – Я конечно не хочу оставлять страну тому, кто ее ослабит и... Что-то мне нехорошо, – простонала она, и вдруг начала заваливаться на пол.

– Господи, тетушка, что с вами? – я так перепугался, что слова застряли у меня где-то в горле. – Медикуса сюда, живо! – заорал я, успевая перепрыгнуть через стол и подхватить падающее тело. Когда начались первые сокращения, я успел стянуть камзол, свернуть его и подложить ей под голову, которую осторожно повернул на бок. Вроде бы больше ничего делать было нельзя, хотя я не слишком в этом уверен.

Флемм, который как-то незаметно для себя стал лейб-медиком еще и Елизаветы, ворвался в кабинет в тот самый момент, когда произошла последняя судорога.

– Ваше высочество, как вы? – я от удивления чуть не подавился, глядя на столпившихся вокруг нас с теткой людей.

– Я? Я в полном порядке, нужно помочь государыне, – встав на ноги, я уступил место перед Елизаветой, которая начала приходить в себя, Флемму.

– Падучая весьма неприятная болезнь, ваше высочество, и, когда ее видишь впервые, производит гнетущее впечатление, – мрачно произнес Разумовский, поднимая Елизавету на руки.

– Что со мной, Алёшенька? – слабым голосом спросила Елизавета, когда Разумовский донес ее до дивана, бережно устраивая на нем. – О, нет, опять падучая? Петр, Петруша, – позвала она, и я быстро подошел к дивану, опускаясь перед ним на колени. Она заметила, что я стою в одной сорочке, протянула руку и провела по моей щеке. – Ты прав, ты во всем прав, и Господь, в который раз, наказал меня за то, что я усомнилась, – из уголка глаза по щеке потекла одинокая слезинка. – Плохо, что ты это видел, Петрушенька, но на все воля Господа нашего. Может быть, он хотел, чтобы ты увидел, как он меня наказывает за маловерие.

– Вы ни в чем не виноваты, тетушка, это всего лишь болезнь, – я попытался ее ободрить. Мне уже было известно, что Елизавета склонна к религиозному психозу, но никогда не думал, что она подведет его под обоснование своей эпилепсии, которая ей от отца досталась. Хорошо хоть кровь перестала пускаться по поводу и без.

– Это мое наказание за гордыню, – она покачала головой. – Ты прав, Российской империи нужен будет сильный правитель, когда Господь призовет меня к себе окончательно. Если тебе нужно все посмотреть, то ты поедешь, скажешь, сколько людей тебе понадобится, я велю указ подготовить. И все же, почему ты не веришь тем бумагам, что мы получаем с мест? Зачем тебе так важно все посмотреть самому?

– Потому что люди лгут, тетушка. Они лгут всегда, особенно, когда знают, что их сложно проверить. Вам нужно отдыхать, завтра моя свадьба, и я ни за что не буду ее праздновать без вас.

Когда Елизавету утащили из моего кабинета, я снова сел за стол, достал чистый лист бумаги и принялся набрасывать, что мне может понадобиться в поездке.

Дверь отворилась, я, не поднимая головы, произнес.

– Нас с тобой раскрыли, так что завтра у нас не обручение, а свадьба, – поставив точку, я посыпал на лист песок, чтобы чернила быстрее высохли. Только после этого поднял взгляд на зардевшуюся Марию. – И вот зачем я уходил под утро, да еще и через окно, изображая из себя казака-пластуна, чтобы меня никто не увидел? Хорошо еще, что окно в моей спальне открыто, и я сумел проскользнуть незамеченным.

– Как ты понял, что это я? – Мария пристально смотрела на меня, приложив руки к красным щекам.

– По духам, – я пожал плечами. – Ты, конечно не душишься так, что глаза на лоб лезут, но они у тебя очень сложные и словно флер разносится. А может быть, я просто сейчас их так чувствую. Так что ты думаешь про предстоящую свадьбу?

– Я рада, – она улыбнулась. – К тому же я всего лишь невеста наследника престола, а не императора, поэтому платье, которое мне приготовили к обручению, вполне подойдет. На самом деле я все утро думала про то, что могла понести, и приходила в ужас от того, что придется оправдываться.

– Хм, ну да, – я не стал ее разочаровывать, указывая на то, что беременность не может наступить, если семя не попадает туда, куда надо, а именно в женщину. Пускай все так пока остается. – Я поговорил с тетушкой. Наша свадьба не отменяет мою поездку. Поэтому мы, вместе с государыней, пришли к выводу, что для скорейшего рождения наследника жена должна находиться рядом с мужем. Очень близко, – я ухмыльнулся, а Маша снова покраснела. – Так что, ты едешь со мной.

– Я? О, Боже, – и Маша перекрестилась. Это было для меня, если честно, совершенной неожиданностью. – Мне нужно... Мне нужно подготовиться к путешествию, – она сделала что-то вроде книксена и выбежала из кабинета, оставив меня задумчиво смотреть ей вслед.

Свадьба не была чем-то грандиозным. Мария была права, свадьба наследника – это совсем не то же самое, что свадьба императора. Все было предельно торжественно в церкви, а само празднество, длящееся три дня, мне совершенно не запомнилось, сливаясь в одну сплошную череду званых обедов-ужинов, переходящих в балы.

Мы с Марией посетили, наверное, половину Петербурга. Все самые знатные семьи устраивали торжества в честь молодоженов. Это все было чертовски утомительно.

Дошло до того, что в первую же ночь, после венчания, мы даже не занимались любовью, настолько были вымотаны, а просто заснули в объятиях друг друга. Просто отличная первая брачная ночь, нечего сказать. Вторая и третья ничуть не отличалась от первой. А на пятый день началась суматоха. Все куда-то носились, что-то утверждали, где-то подписывали, отдавали и принимали распоряжения, в общем, всем стало весело.

– По сути нормально, не хорошо, а нормально охраняется только это крыло, – заявил Турок, который развалился в кресле, в моем кабинете в то время как мы с Олсуфьевым в последний раз просматривали план продвижения моего поезда по Российской империи.

Не по всей, только до Урала. Пока до Урала. Я не собирался по прямой пронестись до заводов Демидовых, а потом пулей обратно.

Изначально предполагалось, что я заеду во все значимые губернии, побываю на всех значимых предприятиях, таких, как Тульский оружейный завод, к примеру.

Мне нужно было составить собственное впечатление, потому что, когда я думал о нововведениях, то просто подвисал, абсолютно не представляя, как подходить к тому или иному делу.

Казалось бы, ну куда проще, швырнул чертежи и приказал, делай вот так. Ага, так может думать только тот, кто завис в астрале гипотез и теории, и совершенно не представляет, что теория и практика – это две большие разницы.

Как говорится: «Рисовали на бумаге, да забыли про овраги. Вот-вот, вон товарищ в дальнем ряду подсказывает, что тут еще и вые...ли кого-то». Нет, по тому, скольких нервов и времени мне стоило добиться определенного комфорта в моем будущем жилище, надо думать, что ни одно мое нововведение не заработает, если я не учту кучу нюансов.

А люди чаще всего лгут, поэтому простыми докладами дело точно не обойдется. Реплика Турка застала меня врасплох. Я поднял взгляд от бумаг и переспросил.

– Что? О чем ты говоришь?

– Я говорю, что охрана организована из рук вон плохо, – Турок покачал головой. – В целом, наверное, мне было бы сложновато проникнуть только в ваши комнаты, Петр Федорович. Даже к государыне при желании можно так или иначе пройти.

– И зачем ты мне это говоришь? – я внимательно посмотрел на бывшего вора, раздумывая параллельно, куда бы его специфические навыки применить.

– Наверное, нужно что-то с этим делать, – Турок выпрямился в кресле и в его взгляде мелькнуло возмущение.

– Наверное, надо, – я пожал плечами и снова уткнулся в бумаги.

– То есть, вы ничего делать не собираетесь? – это было скорее утверждение, чем вопрос. Я вздохнул и отбросил перо.

– Нет. И знаешь, почему? Потому что я ничего сделать не смогу. Не сейчас. Я всего лишь наследник престола, которого по существующим законам можно поменять в любой момент, причем, на кого угодно, кто больше императрице приглянется. И вот это, – я обвел пером, которое все еще держал в руках, пространство вокруг себя, – не мой дворец. Уже то, что мне позволено делать и то, что мне позволено решать, можно считать чудом. И, поверь, я не собираюсь нарушать это хрупкое равновесие, которое возникло между мною и государыней, которая, благодаря своей страшной болезни, очень мнительна. Мне гражданская война и разборки за корону не нужны. Мне нужно страну подготовить к тому, что я планирую начать делать, когда придет время. Потому что рубить бороды – это, наверное, действительно, но только в первый раз, и это уже однажды сделали. И поэтому я буду терпеть плохую охрану, плохую кухню, все эти бесконечные празднества и балы, и ничего не буду делать, чтобы изменить существующий порядок. Мне хватает поставленных перед самим собой задач. И кстати, для себя и своего двора я все же выбил, с боем, не без этого, и нормальную пищу, и нормальную охрану. Не зря же Наумов у меня как ужаленный носился, когда я был здесь один и никто не мог мне помешать и оспорить мои решения. Чтоб ты знал, даже на нашем ежедневном совместном ужине с государыней, для меня готовят отдельные блюда, а спорить по любому поводу и навлекать на себя совершенно ненужный гнев, я не собираюсь. Все закрыли тему. Ты зачем вообще пришел и мешаешь мне работать? – говорил я все это не Турку. Говорил я это все Олсуфьеву и совершенно незаметному секретарю, которого приставила ко мне тетка на время сборов. Он, скорее, выполнял роль говорящего письма, мечась между мной и Елизаветой, ну и дятлом подрабатывал, куда уж без этого.

– Я всю прошлую ночь выпивал за здоровье великокняжеской четы, – размеренно произнес Турок. – Устал немного. Это, как оказалось, довольно утомительно на самом деле. – И он очень выразительно покосился на секретаря. Я его взгляд перехватил и потянулся.

– Да, это бывает утомительно. Вот что, Адам Васильевич, давай уже прервемся. Оформляй то, что уже готово, ознакомь командиров с маршрутом, ну, не тебя мне учить.

– Вы все же оставляете Лопухина за главного в поезде? – уточнил Олсуфьев.

– Да, и это уже не обсуждается. Иван Лопухин обладает, на мой взгляд, очень ценным качеством, позволяющим проводить подобные путешествия с наилучшим комфортом, он умеет ориентироваться и принимать быстрые решения в нестандартных ситуациях. Так что, да, именно он в поезде будет, считай, что фельдмаршалом. Все, иди. И вели кофе мне приготовить, – пока говорил, я рассматривал лежащее на столе перо.

Ненавижу перья. Ничего, металлическое перо, надевающееся на деревянную основу у меня уже почти готово.

Я прекрасно помню, как оно выглядит, у мамы еще со времен ее учебы в начальной школе советского образца осталась целая коробка.

Я вот вообще часто думаю, что зря их убрали из обихода. Этими перьями почерк практически каллиграфический могли ставить, не даром же чистописание аж в целый предмет было выделено.

Мне так вообще не до жиру. Гусиные перья, которыми писали сейчас – это просто отстой. Так что, я еще, гляди и наварюсь на своей поделке, которую делаю потихоньку вот уже почти месяц, добиваясь максимального сходства с тем, что осталось в памяти.

Размышляя о перьях, я смотрел, как собирается Олсуфьев, невзрачная личность уже выскользнула за дверь. Когда же мой слишком педантичный помощник, наконец, убрался, я повернулся к Турку. – Говори.

– Как я уже сказал, я всю ночь выпивал, в компании иноземных гостей, среди которых присутствовал и господин Грибоваль. Не буду утомлять ваше высочество всеми тостами и пожеланиями скорейшего рождения наследника, которые звучали в эту ночь. Потом мы играли в кости, к слову, господу совершенно не умеют играть, – Турок ухмыльнулся. – Я даже вам подарок выиграл, а то подарить-то мне на свадьбу нечего, нехорошо получается.

– И что же ты мне выиграл в качестве подарка? – я даже вперед подался, чтобы увидеть то, что притащил Турок, который, посмеиваясь, вытаскивал из-за спины коробку. Открыв коробку, я ахнул. – Господи, это же... – в обтянутом бархатом нутре лежал прообраз револьвера Кольта. Я слышал, что вроде бы модель такого оружия была где-то в Британии изготовлена, но не думал, что когда-нибудь увижу воочию. Я закрыл коробку. Возьму с собой, покажу тульским мастерам, может, что дельное сообразят. – Спасибо, уважил. Но, ты что-то говорил про Грибовалья.

– Да, Грибоваль, – Турок на мгновение задумался. – Что вы думаете, ваше высочество, если господин Грибоваль поедет с нами в путешествие по Российской империи?

– Зачем он мне нужен? – я даже нахмурился. – К тому же у него есть определенные обязанности, он же вроде бы послан, чтобы обсудить ситуацию вокруг Саксонии, вот пускай и обсуждает.

– Сейчас ситуация изменилась. Вы женились на ее высочестве и все положенные договора подписаны. Вот именно сейчас начнутся переговоры с Фридрихом, и от позиции Австрии мало что будет зависеть. Только это долго все, полгода как минимум, чтобы вообще позиции сторон определить, – я аж зубами закрипел. Больше всего меня бесила именно вот эта нетерпимость этого времени. Но сделать пока с этим ничего нельзя было, оставалось скрипеть зубами и ждать, постоянно чего-то ждать. – Так что господин Гибоваль принял решение попутешествовать и вернуться в Петербург как раз к принятию хоть какого-то решения.

– Похоже, бессвязные выкрики Данилова произвели на него очень большое впечатление, – я задумчиво посмотрел на Турка.

– Да, похоже, на то, – он снова улыбнулся. – Не знаю, так ли уж ему интересны красоты нашей матушки России, как возможность где-то пересечься с Даниловым и выпросить у него все то, что этот дурачок наговорил, на березке сидючи.

Я встал из-за стола и подошел к окну. Так, что мы можем в данном случае предпринять? Мария мне подробно рассказала про этого Грибовалю. Он специалист по артиллерийской защите, в частности городов и различных крепостей. Нам нужен подобный специалист? Конечно нужен, что вообще за вопросы? Вот только работать на меня он не будет, потому что связан договоренностями определенного характера с Австрией. Мне нужно понять, что именно ему предлагал изменить Данилов, из-за чего француз так возбудился. Когда я это пойму, то можно будет попробовать на этих данных сыграть. Пока же мне нечего ему предложить. И пускать его на наши заводы я тоже не собираюсь. Но его желание исходит из того, что Румянцев с Криббе хотят потащить Данилова с нами, иначе, это никак невозможно объяснить. Я повернулся к Турку.

– Скажи ему, что я не против того, чтобы он путешествовал вместе с великокняжеским поездом, – Турок кивнул. – Да, Андрей, на тебе лежит ответственное задание: ты должен стать данному господину лучшим другом. Сопровождать его везде, куда бы он не подался. А также запоминать все, что данный господин будет говорить, бормотать себе под нос и пытаться записывать. И самое главное, ни под каким предлогом не подпускать его к Данилову. Все понял? – Турок кивнул, мгновенно став серьезным. – Иди, начинай втираться в доверие. – Он снова кивнул и вышел из кабинета, столкнувшись в дверях с Луизой Ульрикой.

– Ваше высочество, – она присела в реверансе.

– Ваше высочество, – я поклонился, отметив про себя, что Луиза выглядит бледнее, чем обычно. – Что привело вас ко мне? – Из-за торжеств, связанных со свадьбой им с Георгом было разрешено вернуться в Петербург, поэтому ее появление не слишком меня удивило.

– Георг получил послание из Швеции. Король очень болен, мы можем получить приглашение в любой момент. И, скорее всего, это произойдет раньше, чем вы вернетесь из своего путешествия, ваше высочество. Так что, я пришла попрощаться.

– Прощайте, Луиза, – просто сказал я.

– Прощайте, Петр, – когда мы снова перешли на официальный тон общения? – Я знаю, что вы отдали несколько поручений для вашего человека в Дании. Я со своей стороны также приложу определенные усилия в этом направлении. Давайте сделаем так, мне будет легче воздействовать на кронпринца и его мамашу, а вам на самого Кристиана. Действуя отдельно, но в одном направлении, нам будет легче привлечь внимания.

– Да, это будет оптимальный вариант, – я кивнул.

– Я напишу вам, – она присела в реверансе и стремительно вышла из кабинета, не дожидаясь от меня ответа. Я же мог только задумчиво смотреть ей вслед. Эта женщина всегда ставила меня в тупик. Вот и сейчас, я совершенно не понимал, зачем она вообще приходила, ну не попрощаться же, на самом деле.

А еще через неделю великокняжеский поезд, растянувшийся на пару верст, выехал из Петербурга, чтобы начать свое занимательное путешествие.

Глава 5

Погода нас баловала. Стояли теплые, сухие дни. Не жаркие, а именно теплые, а легкий ветерок усиливал прохладу, позволяя нам наслаждаться поездкой. Практически весь путь до нашей первой довольно длительной остановки мы с Машкой проехали верхом.

Она оказалась прекрасной наездницей, и легко посылала свою белоснежную кобылку в галоп, в то время, как я размышлял о том, как вообще можно нормально держаться в дамском седле. Тут, когда нормально сидишь есть большая вероятность падения, что уж говорить о езде боком?

Я даже вначале немного отстал, наблюдая за своей юной женой, и только убедившись, что она держится в седле уверенно и правит лошадью твердой рукой, догнал ее, и дальше мы ехали бок о бок. Ехали мы в середине строя, на некотором отдалении от головного отряда, состоящего исключительно из драгун моего полка. По бокам и сзади также скакали драгуны, ненавязчиво нас опекая, и даже отрезая от основного состава великокняжеского поезда, представляющего собой огромную вереницу телег и карет, растянувшуюся на несколько верст.

Ванька Лопухин оказался на редкость грамотным распорядителем. Он умудрялся пускать впереди головное отряда разведку, а также вперед уезжали квартирмейстеры, в чью задачу входило найти нам приличную постель, чтобы великокняжеская чета не осталась ночевать в ближайшей конюшне. Мы ехали далеко не медленно, но я даже не пытался высчитать скорость передвижения разведотряда квартирмейстеров, которые оставляли нас далеко позади.

Так что поездкой я наслаждался. Единственное, что меня порядком доставало – это состояние дорог. Нам повезло, что ничего сверху не капало, иначе дороги быстро превратились бы в непролазное месиво.

Одна мысль о подобной перспективе заставляла болеть голову. И ведь у меня был опыт путешествия и по дорогам Европы. Они практически ничем не отличались от российских.

Строительство дорог я знал лишь в теории. На нефтегазовом, на котором я учился, все эти дороги и мосты изучались поверхностно, для общего развития.

Я вообще считаю до сих пор, что это форменное издевательство то, что именно меня засунули в первую половину восемнадцатого века, где о нефти и газе даже ученые имели лишь смутные представления.

Нет, я, конечно, собирался использовать свои знания потом, в будущем, когда руки дойдут и, хотя бы, эти чертовы дороги будут до приличного состояния доведены.

А ведь надо еще промежуточную стадию угля проскочить, чтобы до моих добраться. Или не проскакивать? Уж чего-чего, а угля в Российской империи завались, надо лишь указать, что вот этой штукой можно печи топить и не только для обогрева жилья, что температура выше получится, чем при переводе дров, а это благоприятно сказалось бы на металлургии. Ведь уголь же известен, почему его не ищут и не добывают?

– Адам Васильевич? – крикнул я, призывая к себе секретаря. Олсуфьев тут же направил коня в мою сторону.

– Да, ваше высочество, – он наклонил голову, обозначая поклон. Сидя верхом довольно сложно кланяться, только поэтому мой безупречный секретарь позволил себе столь вопиющее нарушение.

– А почему не разведуют и добывают те же Демидовы, да Строгоновы каменный уголь? Не все же на заводах деревья жечь.

– Каменный уголь? – Олсуфьев нахмурился, что-то просчитал про себя, перевел с великокняжеского на русский и осторожно уточнил. – Вы, наверное, имеете ввиду горючий уголь, Петр Федорович?

– Да-да, горячий, – я махнул рукой, показывая, что он прав и именно этот уголь я и имею в виду. – Англичане вон уже его вовсю пользуют, а мы чем хуже? – на самом деле я не был уверен насчет англичан, что они уже начали свою промышленную революцию, но, черт его знает, может и начали. Скоро по моим прикидкам должны два кренделя вернуться, которые к Туманному Альбиону подались, вот они точно расскажут, что и как используют англичане.

– Ничем, – Олсуфьев снова нахмурился. – Дед ваш Петр Алексеевич даже указ издал, чтобы горячий уголь искали по всей стране, да металлургам его предлагали, пробовать с его помощью металл лить. Гора Атач, что граничит с поселениями башкир дюже богата на руды разные, но их не добывают, потому что леса вокруг мало и древесного угля не наделать в достаточном количестве. А вот нашелся бы поблизости горячий уголь, другое дело бы было, да.

– И? – я испытывающе посмотрел на него. – Указ был, и дальше, что?

– Ничего, – у Олсуфьева скулы порозовели, словно он лично нарушил приказ Петра Алексеевича. – Полагаю, что его саботировали, а пришедшим на смену Петру Великому императоры и императрицы не уделяли этому вопросу должного внимания.

– А кто должен был отвечать за исполнение данного указа? – я даже чуть натянул поводья, притормаживая коня, чтобы было удобнее переговариваться.

– Берг-коллегия, полагаю, – Олсуфьев обернулся на виднеющийся далеко позади поезд. – Антон Федорович Томилов едет с нами, чтобы лично посмотреть за делами, подконтрольными Берг-коллегии. – Мой секретарь быстренько сдал президента этой самой Берг-коллегии, про которого я и не знал, что он тоже меня сопровождает. Да и немудрено, народу ехало столько, что я просто физически не мог знать, кто еще решил посетить демидовские и не только демидовские заводы, чтобы составить свое о них представления. Доподлинно мне было известно лишь о Романе Воронцове, у которого был в этой поездке свой интерес. Теперь вот, оказывается, и президент Берг-коллегии Томилов в какой-то из многочисленных карет спрятался.

– Адам Васильевич, позаботься о том, чтобы за ужином, который уже, наверное, в Новгороде Великом состоится, Антон Федорович непременно сидел рядом со мной. Я хочу ему пару вопросов задать, – я улыбнулся, но от моей улыбки, которая, как я подозреваю, больше оскал напоминала, Олсуфьев шарахнулся в сторону. После я дал шпоры коню и поскакал, все больше наращивая скорость.

Я снизил скорость, когда впереди меня показался головной отряд, который я догнал в этой бешеной скачке. Перейдя на рысь, я увидел, как ко мне скачет всадница на белой лошадке. Красная амазонка ярким, почти кровавым пятном выделялась на общем белом фоне. Я еще больше снизил скорость, позволяя Машке без проблем приблизиться.

– Вы специально делаете такое лицо, Петр Федорович, чтобы к вам никто не осмеливался приблизиться? – Маше улыбнулась и на порозовевших щеках заиграли ямочки.

– Ну а тебя они ушлые ребята послали ко мне, чтобы ты послужила громоотводом? – я иронично приподнял бровь.

– Ну что вы, никто меня не посылал, я вызвалась узнать все про ваше настроение самостоятельно.

– Маша-Маша, – я покачал головой. – Ты видела меня голым, и все равно продолжаешь обращаться на «вы». Меня это немного напрягает, знаешь ли.

– Но, это не моя прихоть, Петр Федорович, – она снова улыбнулась. – Существуют определенные правила...

– К черту правила, – я махнул рукой. – Не навсегда, а только на время, когда мы наедине, и все боятся ко мне подойти, опасаясь, что я кого-нибудь покусая. Все, кроме моей мужественной жены. Так что, договорились? Иначе мы с тобой дойдем до того, что и в постели ты будешь меня Петром Федоровичем называть, а это не будет слишком способствовать моему настрою, как раз наоборот. И вот тогда я точно кого-нибудь покусая. – Она запрокинула голову и расмеялась.

– Ты всегда меня смешил. Еще в тот раз, когда мы в первый раз встретились.

– Да, вот такой я веселый парень, – я неопределенно хмыкнул. – О чем тебе так старательно нашептывал Румянцев? Мне уже нужно начинать беспокоиться и ревновать?

– О, только не к Петру, – Маша посмотрела на этот раз серьезно. – Он скорее руку даст себе отрезать, чем посмеет тебя опозорить.

– Как у него все серьезно, – я обернулся и посмотрел на скачущего в отдалении Петьку.

– Ты зря иронизируешь. На самом деле у тебя есть очень верные и преданные друзья. Не каждый правитель может похвастаться подобным. Но что же все-таки тебя так разозлило? – она смотрела внимательно, и в ее глазах я видел страстное желание помочь, в крайнем случае поддержать.

– Да так получилось, что я случайно узнал о саботировании одного очень грамотного указа моего деда Петра Алексеевича. А ведь, если бы его выполнили, то Российская империя уже ушла бы далеко-далеко вперед во всяком случае в металлургии – это точно. Кроме того, выполнение данного указа позволило бы экспериментировать с составом металла, искать и получать лучшие варианты. Но, как я и сказал, указ саботировали, и теперь мы опять оказались в отстающих и догоняющих, – я зло стиснул зубы. Сколько еще довольно грамотных приказов не было исполнено? Сколько нарушений и злоупотреблений мы выявим во время этой поездки?

– Может быть, для нарушения существовала объективная причина? – Маша нахмурилась.

– Никакой объективной причины нет, – я покачал головой. – Ну какая может быть объективная причина в том, чтобы не искать замену древесному углю, когда такая замена известна? Нужно только как следует копнуть. Но копать почему-то не захотели. Почему? У меня только один вариант ответа, производители древесного угля дали на лапу тем, кто должен был копать, чтобы их не лишили заработка. Ведь, когда каменный, тьфу ты, горючий уголь будет найден в пережигании такого количества деревьев пропадет надобность, и это хорошо, древесина нам еще пригодится. Корабли надо строить, бумагу делать, много для чего дерево нужно, чтобы жечь его в угли, когда есть другое решение. Что мне делать, Маша? Что мне делать, если выяснится, что я прав?

– Ты найдешь выход. Я верю, что ты все сделаешь правильно, – она произнесла это очень серьезно, так, что я сразу понял, она именно так и думает. М-да, никогда не думал в этом ключе, но, похоже, что только ради этого стоило жениться, чтобы рядом находился кто-то, кто всегда будет говорить: «Я в тебя верю, ты все делаешь правильно»

Весь дальнейший путь прошел в молчании, но не напряженном, а вполне уютном, создающим умиротворение. Так что к тому моменту, как мы подъехали к Новгороду, мое настроение было вполне благожелательное, тем более, что я примерно догадывался, что нас будет ждать при въезде в город и морально готовился не ржать, во всяком случае, не слишком громко.

Нас встречали. Слава Богу до каравая с солонкой посредине не додумались, но, полагаю, только потому, что им не хватило времени.

Встречали нас лучшие представители Великого Новгорода: Адодуров и братья Строгоновы. И все бы ничего, если бы не одно маленькое «но». Ни Адодуров, ни Строгоновы в Новгороде не проживали, и в последний раз навещали родной город лет этак дцать назад.

Представляю, с какой скоростью они неслись на перекладных, чтобы обогнать меня и успеть из Петербурга прибыть в город раньше, причем настолько, чтобы успеть подготовиться к торжественной встрече.

И ладно бы Строгоновы, бароны недавноиспеченные действительно были заняты делами и довольно редко появлялись при дворе, так что с натяжкой можно было сказать, что они действительно находились в Новгороде, когда я туда приперся. Но как кто-то мог представить себе, что я приму за местного жителя личного секретаря Разумовского?

Ладно, я махнул на эти нелепицы рукой и позволил «лучшим людям» старинного города толкать приветственные речи, а затем, после того как были отданы распоряжения устраивать всех приехавших со мной людей, меня самого, Машку и мой внутренний круг, куда входили Румянцев, Криббе, Лопухин, Штелин, Олсуфьев, Федотов, Турок и непонятно каким образом затесавшийся к нам Ванька Шувалов, потащили показывать достопримечательности.

Город был древним, и достопримечательностей было много, но я почти все это видел еще там в прошлой жизни, поэтому пропускал речь Адодурова мимо ушей, сконцентрировавшись на изучении жизни города, потому что к достопримечательностям мы не телепортировались, а ехали по довольно узким улицам.

Возле Рюрикова Городища я остановился, и вся наша кавалькада вынуждена была последовать моему примеру. В моем времени от этого памятника дней минувших практически ничего не осталось, но сейчас не все постройки были разрушены, вот только памятником они не считались. Просто развалины, которые по какой-то причине не решались трогать.

– Говорят, что он где-то здесь похоронен, – негромко произнес я. И вроде бы не упоминал имени, но меня все прекрасно поняли. – Интересно, какой он был?

– Рюрик был великим человеком, – осторожно произнес Адодуров.

– Нет, я не спрашиваю про это, – я повернулся к нему. – То, что он был великим – это не обсуждается. Я хочу знать, каким он был человеком? Любил ли своих жен, детей? Были ли у него друзья? Каким именно богам он поклонялся? Вы ведь не будете оспаривать, что Рюрик был язычником? – Адодуров покачал головой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.